

«Эта фигура — не Кобзон. Это я сам»

Папа «Ералаша» Борис Грачевский отметил 50 лет, как он на сцене. Из своих 56. Увидев двух блондинок, меня и фотографа, он осыпал нас афоризмами, от некоторых из которых, признаюсь, мы покраснели. Вообще-то Грачевский свои сочинения не афиширует. Он разрешил напечатать самое безобидное: «Молодость всегда прекрасна, сколько лет тебе ни было».

Человек без возраста

— Борис Юрьевич, на сколько лет вы сами себя ощущаете?

— Понятия не имею, я человек без возраста. Пока жизненно важные органы у меня действуют... (Пауза.) Я имею в виду голову, конечно. А вы о чём подумали? В этом году мне 56, но меня это не пугает. Мне, наоборот, страшно интересно дальше жить.

— (Смеется.) Она лет десять назад натолкнулась на мои интервью, узнала меня, потом проанализировала кое-какие факты и поняла, что была моей вожатой. Мне тогда было всего 10 лет, но она столько обо мне вспомнила! Как я сам поставил танцевальный номер, как нас везли на танках кататься в воинскую часть, как я всех обыгрывал в настольный теннис, даже офицеров. Я был «блитым» ребенком — папа отправил меня в лагерь от военного завода.

— Тут я по законам жанра должна спросить о родителях?

— Папа был кульграбитчиком, мама работала в библиотеке. Трудились они в доме отъезда «Полушкино», там же были прописаны. У меня в паспорте в графе о месте рождения так и написано.

— Шутите?

— Правда! Сейчас покажу. Ой, я забыл паспорт в машине,

(зvonит секретарше и просит принести копию паспорта). Вот, читайте. Вообще я родился в московском роддоме на Арбате. Один раз кто-то написал мне в «деревне Полушкино». А я обиделся и сказал, что это дом отъезда! Многие шутят, мол, у тебя мама с папой доотдохнули!

— Ваше будущее предопределено родителями?

— Я долго это анализировал, так и не смог вспомнить. Это притом что я все детство помню деталей: как ходили люди, что ели-пили, во что были одеты...

— **«Сначала на киностудии работал грузчиком»**

— О чём?

— Это видеть надо, а то получится, как в анекдоте: «Карузо, Карузо... Вчера послушал — ничего особенного, голос слабенький», — разочарованно говорит один. «Где послушал?» — спрашивает другой. — «Рабинович напел».

Сюжет фильма как такового нет. Это картина об уроках классической музыки. Исследуются отношения человечества и музыки, показано, как величие музыки входит в детей и они становятся чище и ярче. Снимали в Краснодаре: там находится мощное музыкальное объединение «Премьера», существуют два симфонических оркестра, работают лучшие дирижеры и, конечно, известный всем Григорович.

— Впечатлительным очень были?

— Не то слово! Помню одно потрясение: раньше по всей Москве и в Подмосковье стояли «Голубой Дунай» или «Шалман» — вагоны, обстроенные под пивнушку. Там было жутко накурено, столов не было, по стенам стояли доски, а под ними валились пыльные. Остальные все вахвали, орали «Шумел камыш» и размахивали руками. А я боялся пыльных как огня! До сих пор их вспоминаю и не помогают пыльные, даже если при мне кто-то сильно

Борис Грачевский:

упал. И вот представь, на середину пивнушки выбегает женщина-продавец, такая огромная, расставляет ноги и дает такую струю! Развернулась и обратно! Я так испугался! Так, наверное, коровы писают. У меня до сих пор эта картина перед глазами...

— Не возникло тогда отвращения ко всем женщинам?

— Скорее к пивнушкам, к женщинам — нет.

— Вы так красочно рассказываете о детстве. Вернуться в то время не хотите?

— (Задумчиво.) Может, я в нем и остался? Я ведь могу состроить козу кому угодно!

— А поплакать можете?

— Оказавшись лет пять назад во Флоренции, в галерее Уффелици, я увидел картины своего любимого Боттичелли — «Рождение Венеры» и «Весна». Я плакал, поскольку не думал, что увижу их «живьем». Вообще, я люблю такую адскую смесь художников, как Питер Брейгель, Иероним Босх и Сандро Боттичелли. Увлечения живописью и музыкой я перенес из детства. В 11 лет сам

Скульптура Давида на меня вообще не действует, наверное, потому, что я не гомосексуалист.

открыл в школе кружок изобразительного искусства. Я никогда не умел рисовать и решил изучать этот предмет изнутри!

— До слез может тронуть только живопись?

— Я плакал, когда увидел известную скульптуру «Пьета», где изображена сцена оплакивания Христа после снятия его с креста. Меня не волновал образ Христа. Я нашел в себе силы отделить одно от другого. Меня поразили фигуры скорбящих над телом Христовым Богородицы и Марии Магдалины. Не думал, что женская скорбь, изображенная в камне, может вызывать такие чувства. А известная скульптура Давида на меня вообще не действует, наверное, потому, что я не гомосексуалист, как многие.

— А каменные женщины возбуждают?

— Возбуждения на красоту женского тела в камне у меня тоже нет. Ну, не работаету меня, и все (смеется). Она же каменная, чего зря обниматься! А вот скорбь — дело другое (вздыхает). Тебе, наверное, странно это от меня слышать, ведь все привыкли воспринимать Грачевского как хохмача... А я, между прочим, очень яркое и серьезное кино только что снял. Называется «Прелодия для детства с оркестром».

— А что с ракетами делали?

— В 1964 году я поступил в Калининградский механический

— Почему, как раньше, не снимает социальную рекламу?

— Тогда у меня был заказ Минпечати на рекламу, я снял споты о педофилии, наркомании и безопасности детей на улице...

— Но вскоре кем-то

была поставлена задача меня «задушить».

— Обидно, что старт

снятся с того, что дети выходят на сцену и начинают меня

искать, а я как будто падаю на

на них сверху. После этого ко мне в самолете подошел один малчик:

— «Дяденька, вы — Ералаш?»

— Почему, как раньше, не снимает социальную рекламу?

— Тогда у меня был заказ

Минпечати на рекламу, я снял

споты о педофилии, наркома-

нии и безопасности детей на

улице...

— Но вскоре кем-то

была поставлена задача меня «задушить».

— Обидно, что старт

снятся с того, что дети выходят на сцену и начинают меня

искать, а я как будто падаю на

на них сверху. После этого ко мне в самолете подошел один малчик:

— «Дяденька, вы — Ералаш?»

— Почему, как раньше, не снимает социальную рекламу?

— Тогда у меня был заказ

Минпечати на рекламу, я снял

споты о педофилии, наркома-

нии и безопасности детей на

улице...

— Но вскоре кем-то

была поставлена задача меня «задушить».

— Обидно, что старт

снятся с того, что дети выходят на сцену и начинают меня

искать, а я как будто падаю на

на них сверху. После этого ко мне в самолете подошел один малчик:

— «Дяденька, вы — Ералаш?»

— Почему, как раньше, не снимает социальную рекламу?

— Тогда у меня был заказ

Минпечати на рекламу, я снял

споты о педофилии, наркома-

нии и безопасности детей на

улице...

— Но вскоре кем-то

была поставлена задача меня «задушить».

— Обидно, что старт

снятся с того, что дети выходят на сцену и начинают меня

искать, а я как будто падаю на

на них сверху. После этого ко мне в самолете подошел один малчик:

— «Дяденька, вы — Ералаш?»

— Почему, как раньше, не снимает социальную рекламу?

— Тогда у меня был заказ

Минпечати на рекламу, я снял

споты о педофилии, наркома-

нии и безопасности детей на

улице...

— Но вскоре кем-то

была поставлена задача меня «задушить».

— Обидно, что старт

снятся с того, что дети выходят на сцену и начинают меня

искать, а я как будто падаю на

на них сверху. После этого ко мне в самолете подошел один малчик:

— «Дяденька, вы — Ералаш?»

— Почему, как раньше, не снимает социальную рекламу?

— Тогда у меня был заказ

Минпечати на рекламу, я снял

споты о педофилии, наркома-

нии и безопасности детей на

улице...

— Но вскоре кем-то

была поставлена задача меня «задушить».

— Обидно, что старт

снятся с того, что дети выходят на сцену и начинают меня

искать, а я как будто падаю на

на них сверху. После этого ко мне в самолете подошел один малчик:

— «Дяденька, вы — Ералаш?»

— Почему, как раньше, не снимает социальную рекламу?

— Тогда у меня был заказ

Минпечати на рекламу, я снял

споты о педофилии, наркома-

нии и безопасности детей на

улице...

— Но вскоре кем-то

была поставлена задача меня «задушить».

— Обидно, что старт

снятся с того, что дети выходят на сцену и начинают меня

искать, а я как будто падаю на

на них сверху. После этого ко мне в самолете подошел один малчик:

— «Дяденька, вы — Ералаш?»

— Почему, как раньше, не снимает социальную рекламу?

— Тогда у меня был заказ

Минпечати на рекламу, я снял

споты о педофилии, наркома-

нии и безопасности детей на

улице...